

До сих пор прихожу в себя. Сегодня вечером была «отвальная» — я уходил на другую работу. Выпили, закусили, все чин чинком: веселые «ляпы» пьяных теток, скабрзные анекдоты мужиков, торт, ушедший на закуску, чай без тортовой закуски. Потом я по старой привычке засиделся в кабинете (я всегда последним запираю контору и сдавал на вахту ключи). А тут, как всегда, в пятницу, осталась моя соседка по кабинету, Леночка; на выходные она ездит, одна или с мужем, в другой, город к родителям, и автобус у нее в половине седьмого вечера. Сегодня она собралась ехать одна. Я и раньше чувствовал кожей, что она ко мне «неровно дышит», но считал за благо не подавать виду и не поощрять: во-первых, я люблю свою жену, а во-вторых, девяносто процентов служебных романов невозможно скрыть на работе, и есть реальная опасность «утечки информации».

Словом, сидели мы в кабинете вдвоем, и Леночка чуть хмельным голосом с шутливой улыбкой говорила, как будет грустно в конторе после моего ухода. Потом поднялась, вышла, процокала по коридору и хлопнула дверь. Я решил, что она уже ушла, и вдруг услышал крадущиеся шаги. Выглянув в коридор, столкнулся с ней нос к носу. На ее лице было неопределимое волнение, пальцы теребили пуговицу голубой атласной блузки. Вздвогнув от неожиданности, она отпрянула, но вдруг кинулась мне на шею и, страстно обхватив мои плечи, зашептала на ухо;

«Не уходи вот так... Я всегда тебя желала... Я хочу тебя... Пусти меня к себе! Хоть напоследок!...»

Опешив, я машинально погладил ее по спине, и вдруг она обрушила меня в стоявшее позади кресло для посетителей, стала на колени и рывком расстегнула блузку, затем разъединила застежку лифчика. Ее пальцы метнулись к моим брюкам, расстегнули пояс, ширинку и извлекли на свет мгновенно вставший и в смущении зардевшийся член.

— Дверь! — выдавил я.

— Я заперла, — шепнула она и... надвинула свой вкусно напомаженный рот на моего «друга».

Прохладный шершавый язычок, заскользивший по горячей плоти, заставил меня задохнуться. Мои руки сами легли на ее мягкие, большие груди, взвешивая их томную негу. Откинув голову на спинку кресла, я застонал от избытка ощущений. Моя женушка такие фортели позволяет себе раз в сто лет, когда мы «в ударе», а я всегда скучаю по таким ласкам. Но сейчас, побалдев пару минут, я потянулся к Леночкиной юбке. Моя соблазнительница тут же вскочила и стянула ее, оставшись в ажурных черных чулках и в лаковых туфлях-шпильках, сдернула светло-сиреневые трусики с цветочками. Темно-каштановая борода в ее паху была подбрита в тонкую узкую полоску, и я усадил Леночку на колени, разрыл пальцем теплые складки и стал играть упругой ускользящей кнопкой.

Кто-то дернул запертую дверь, в замке лязгнула связка ключей. Мы замерли. Снаружи постучали. Леночка — вполголоса ругнулась: «Посетители, мать их...» Но тут же крикнула в короткий коридор совершенно не своим сварливым голосом: «Ну, чего надо? По голове постучи! Там же написаны часы приема! Все уже разошлись, приходите в понедельник с утра. А то я вам постучу шваброй по бокам!»:» И она сладко содрогнулась в моих руках.

Я повернул её спиной к себе и руками протолкнул в нее остолбеневший пенис. Она сдвинула

коленки, и мы начали слаженное движение, Я поддерживал ее под груди и смотрел в трюмо, напротив, на ее искаженное экстазом лицо.

Чем дальше, тем чаще она тонко вскрикивала, обильная влага орошала мой пах, и вот вдоль хребта к затылку побежала острая щекотка, зашипела она пузырьками шампанского по всем сосудам, накопилась на кончике боеголовки моей торпеды — и тут с невозможным содроганием восторга хлестнул взрыв, выплеснув в тесную атласную глубину мою нестерпимую сладость. Мы громко и в один голос испустили стон, она отвалилась на меня спиной.

Через пять минут выяснилось, что мои брюки испятнаны, и Леночка, отобрав их у меня, сверкая белой попкой, убежала их отстирывать. Повесив их сушиться перед настольным вентилятором, она сидела на полу у моих ног и снова пустила в ход свои губы и язычок. После длительных, искусных упражнений она добилась еще одного извержения, приняла его на груди и вожделенно слизала белесые капли языком. На меня что-то нашло, и я почувствовал себя неукротимым. Я попросил ее поиграть моим сокровищем меж грудей и она охотно этим занялась.

А потом поставил ее лицом к креслу и прижал свой член к ее анусу. «Ты позволишь?» — «Да, да, тысячу раз да», — простонала, пропела Леночка, и я, обхватив ее за бедра, стал осторожно толкать свое орудие вперед. Она замотала головой, замычала, закусилла рукав блузки. «Расслабься, — шептал я, — расслабься, чтобы не было больно...» Наконец, я проник до конца. Внутри было горячо и восхитительно тесно. Леночка юлой вертелась на моей крепкой оси, страдальчески покряхтывала, но шептала, что все хорошо, и я кончил в третий раз за этот вечер.

В изнеможении рухнув в кресло. я погладил свою оцепеневшую партнершу по маленькой попке. Она взвизгнула от удовольствия и уселась мне поперек колен. Я благодарно поцеловал ее, проигрался с грудями и, переведя взгляд на часы над зеркалом, заметил, что через полчаса у нее автобус. Она подхватила одеваться. Увидев ее розовую складочку, когда Леночка нагибалась за предметами своего туалета, я едва не запрыгнул на нее вновь, но почувствовал, что выжат, как лимон...

Позднее, я думал, что моя соблазнительница возжелает продлить наши отношения. Но ничего подобного не произошло. Что-то, видимо, случилось между нами в минуты наших бурных совокуплений, что подсказало ей не возобновлять своих любовных порывов: